

**Полк. М. Н. Мураховский**

# **БЫЛОЕ**

**(Из воспоминаний Кавалерийского Офицера)**

Москва

Издательский проект ЧтецЪ

2015

**Мураховский, М. Н.**

Былое (Из воспоминаний Кавалерийского Офицера).  
М. : Издательский проект ЧтецЪ, 2015. — 132 с.

Издательский проект ЧтецЪ — это издание малотиражных, давно забытых и редких книг русского зарубежья. Проект предназначен специалистам по литературе и истории русской эмиграции, а также ценителям редкой книги. По любым вопросам, связанным с изданием книг обращайтесь по электронной почте: [order@4tets.ru](mailto:order@4tets.ru)

© Чтецъ, 2015. Печатается по тексту «Нашъ журналъ»  
(Буэнос-Айрес), 1969 г. №№ 2-4.

"Запомни одно", сказалъ Аллахъ, создавая человѣка, — "прошлое принадлежитъ вѣчности, будущее Я оставляю для Себя и лишь настоящее принадлежитъ тебѣ; живи же имъ, не безпокой прошлаго и не заглядывай въ будущее — въ этомъ мудрость".

Я люблю восточныя изрѣченія — въ нихъ много смысла и облечены онѣ всегда въ красиво туманную форму. Вызывая сейчасъ въ своей памяти образы прошлаго, я этимъ не собираюсь нарушать законъ Аллаха, а лишь хочу, не отказываясь отъ своего настоящаго, оживить безотрадныя стѣны его яркимъ солнцемъ минувшаго.

## Часть 1-я.

### ПЕРВЫЕ ШАГИ

#### 1. Его Величества корнетъ.

Быстро и весело промелькнули золотые юнкерскіе годы. Въ началѣ робкій и неувѣренный въ себѣ "сугубый", съ ужасомъ на лицѣ и паникой въ сердцѣ дѣлающій перебѣжку по эскадронному залу подъ перекрестнымъ цукомъ "благороднаго корнетства", затѣмъ и самъ "благородный корнетъ Школы" — гроза и трепеть тѣхъ же сугубыхъ — отошли въ вѣчность и на смѣну имъ появился уже не школьный, а настоящій, всамдѣлишный Корнетъ блестящей Русской Конницы — Его Величества Корнетъ, тонный, марочный и до кончика ногтей пропитанный сознаніемъ своего высокаго "офицерскаго" достоинства.

Маленькая, прусскаго образца фуражка съ голубымъ верхомъ, строго прямо надвинутая на глаза, замѣнила лихо сдвинутую на четыре пальца отъ лѣваго уха юнкерскую безкозырку, вмѣсто юнкерской гимнастерки, туго перетянутой боевымъ ремнемъ и тяжелой казенной шашки съ гнѣздомъ для штыка — бѣлоснѣжный коротенькій китель "чертовой кожи", влипающій въ талію, съ серебряными пуговицами и сильно изогнутая широкая Златоустовская шашка въ плоскихъ ножнахъ съ вензелемъ Императора на головкѣ эфеса.

Слегка натянутые штрипками тонкой діагонали "шассеры" съ голубымъ кантомъ и тонкой кожи (Боже сохрани, только не лаковые) ботинки съ маленькими прибивными шпорами заканчивали картину, а какъ апоѳеозъ всего, какъ максимумъ достиженія — на плечахъ новенькіе, серебрянаго галуна корнетскіе погоны, первые офицерскіе погоны съ двумя звѣздочками и золотомъ шитымъ номеромъ пока еще совсѣмъ незнакомаго, но уже заочно ставшаго роднымъ и близкимъ кавалерійскаго полка. Монаршей волей раскрылся коконъ и изъ него порхнулъ красивый мотылекъ.

Первый настоящій офицерскій кутежъ въ Казенномъ саду, горячее прощаніе съ друзьями, расчетъ съ портными и сапожниками, нѣсколько прощальныхъ визитовъ и городъ съ родной и дорогой сердцу Школой остался позади, а удобно расположившійся въ купе II класса Его Величества Корнетъ весь утонулъ въ мечты о предстоящемъ отпускѣ.

## 2. Дома.

Свѣтло и радостно на душѣ у Корнета, ни тучки, ни облачка. Ласково снисходительно принимаетъ онъ ухаживаніе всѣхъ членовъ семьи, родныхъ и знакомыхъ, на улицѣ отчетливо предупредительно привѣтствуетъ встрѣчныхъ г. г. офицеровъ, строго "по уставу" отвѣчаетъ нижнимъ чинамъ, отдающимъ честь и лишь при видѣ случайно попавшагося навстрѣчу подпрапорщика, или эстандартъ юнкера, этихъ злѣйшихъ юнкерскихъ враговъ, въ глазахъ его загораются кровожадныя искорки. Мановеніемъ руки, затынутой въ бѣлую замшевую перчатку останавливаетъ онъ свою жертву и та въ безнадежно угрюмой позѣ замираетъ передъ корнетомъ. — "Э, послушайте подпрапорщикъ, если это ваше гимнастическое упражненіе я долженъ понять какъ отданіе чести, то долженъ признать, что оно э... нѣсколько расходится съ требованіемъ устава, съ каковымъ я вамъ настоятельно рекомендую лучше познакомиться. На первый разъ я ограничиваюсь замѣчаніемъ, но впредь прошу быть внимательнымъ. Можете идти!" Рука въ перчаткѣ чуть касается козырька фуражки, кровожадныя искорки потухаютъ и Корнетъ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія продолжаетъ прогулку.

"— Ужасно распушенная публика!" проносится въ его мозгу, какъ послѣдняя вспышка искусственно вызваннаго начальническаго раздраженія.

Но всему на свѣтѣ приходитъ конецъ, пришелъ конецъ и отпуску корнета. Незамѣтно промчались законныхъ 28 дней,

полностью использована льгота поверстного срока и незамѣтно подошелъ день отъѣзда въ полкъ.

Книга жизни открывалась на новой страницѣ. Толстая это книга и много, много въ ней чистыхъ не тронутыхъ страницъ, лишь двѣ пока изъ нихъ въ самомъ началѣ книги исписаны крупнымъ полудѣтскимъ почеркомъ: корпусъ и училище, и невольно заползаетъ въ беззаботную душу корнета смутная тревога передъ новымъ чистымъ листомъ.

"Полкъ". Что въ сущности знаетъ онъ о немъ, кромѣ того, что гдѣ-то тамъ въ далекой глуши Царства Польскаго стоитъ этотъ самый полкъ, погонъ котораго онъ съ такой гордостью носить на своихъ плечахъ и это все. Часто, часто, еще тамъ, въ далекой теперь Школѣ, а затѣмъ и здѣсь, подъ крылышкомъ родныхъ просыпался онъ по ночамъ и часами лежа съ открытыми глазами думалъ о "своемъ" полку. Кого онъ встрѣтитъ тамъ, какъ будетъ принять и какъ сложится его полковая жизнь. 36 г. г. офицеровъ и около 1000 драгунъ — вотъ та среда, въ которой ему придется отнынѣ работать. Что знаетъ онъ о нихъ, о ихъ взаимоотношеніяхъ, о полковомъ укладѣ и о традиціяхъ полка, этихъ неписаныхъ, но тѣмъ болѣе обязательныхъ законахъ полковой офицерской среды. Все это такъ ново для него, все это такъ жутко неизвѣстно. Да и для него ли одного? Тысячи и тысячи молодыхъ офицеровъ мысленно переживаютъ ту же тревогу. Въ одно прекрасное время Школа открываетъ свои двери и выпускаетъ въ жизнь своихъ птенцовъ. Правда, этому выпуску предшествуетъ церемонія разборки вакансій, на которой каждому предоставляется право самому выбрать свой полкъ. Учитывая, что подавляющая масса полковъ армейской конницы расположена вблизи границъ они всѣ были одинаково незнакомы юнкерамъ обѣихъ Школъ, чѣмъ же, спрашивается, руководилась молодежь при своемъ выборѣ? Полки съ хорошими стоянками шли высоко, но ихъ было немного и число присылаемыхъ вакансій ограничено. Нѣкоторые стремились выходить поближе къ дому, но и такихъ было не много, ибо большинство жаждало самостоятельной жизни, подальше отъ родственнаго надзора. Какъ единичные наблюдались случаи выхода въ полкъ "для совмѣстнаго служенія" съ родственниками и это все, остальная же масса шла буквально съ закрытыми глазами. Одни руководились формой и въ этомъ случаѣ "бирюза" Павлоградцевъ, "цвѣтъ женскаго тѣла" Псковичей привлекали многихъ, а Ахтырцы съ ихъ вишневымъ мундиромъ, булаными конями и традиціонной серьгой въ ухѣ — брались съ бою, да что ужъ грѣха таить и нашъ Его Величества Корнетъ остановилъ свой выборъ на полку лишь

послѣ того, когда увидѣлъ портретъ его Красавицы Шефа въ элегантной уланской формѣ. Нѣкоторые выходили компаніями въ полки приславшіе нѣсколько вакансій, дабы не разставаться съ друзьями, а были такіе, которые просто брали первый подвѣрнувшійся полкъ. Изъ всего этого ясно на сколько были основательны тревожныя думы Корнета.

### 3. Въ пути.

Громко позвякивая на стрѣлкахъ, поѣздъ подходилъ къ станціи. Эти звуки и замедленіе хода отвлекли мысль корнета отъ дома и родныхъ, съ которыми такъ тяжело, такъ больно было прощаться. Въ его зрительной памяти все еще четко рисовалась стройная, несмотря на преклонные годы фигура отца съ бѣлыми какъ снѣгъ пушистыми бакенбардами и розовымъ гладко выбритымъ бодбородкомъ и рядомъ съ нимъ фигуры сестеръ. Дрожитъ рука отца, поднятая для благословенія и подозрительно вздрагиваютъ плечи сестеръ. "Прощай серденько, береги себя и не забывай насъ!" звенить еще въ ушахъ корнета.

Выглянувъ въ окно и узнавъ, что поѣздъ подходитъ къ Ковелю Корнетъ рѣшилъ выйти. "Можетъ быть увижу Жозю", мелькнула мысль и онъ невольно улыбнулся, вспомнивъ всегда веселую краснощекую фizioномію своего однокашника и по Корпусу и по Школѣ, вышедшаго въ стоящій здѣсь Кинбурнскій полкъ для совмѣстной службы съ отцомъ и братомъ. "Да, ему-то легко" подумалъ онъ. Но на вокзалѣ никого изъ драгунъ не было, и, купивъ нѣсколько журналовъ, корнетъ вернулся въ вагонъ.

Не читалось; оторванные отъ дома мысли обратились теперь къ полку и затихшая было тревога вернулась съ новой силой. "Не опаздываю ли я?" мелькнуло въ головѣ, но онъ тутъ же отбросилъ эту мысль, вспомнивъ какъ вмѣстѣ съ отцомъ они тщательно рассчитывали каждый день и отпуска и пути.

Въ 5 часовъ поѣздъ подошелъ къ Кѣльцамъ. Первая часть пути была кончена и дальше предстоялъ путь на лошадахъ.

"Ну вотъ, я уже почти что и дома" подумалъ Корнетъ, выходя изъ вагона. Получивъ вещи изъ багажа и садясь на очень хорошаго извозчика, онъ приказалъ везти себя въ лучшую гостиницу.

"Пообѣдаю, переночую и завтра утромъ выѣду" рѣшилъ онъ. Вокзалъ былъ на окраинѣ города, и прямая, хорошо вымощенная, улица вела къ центру.

Занявъ номеръ и слегка помывшись, Корнетъ спустился внизъ къ обѣду. Ресторанъ оказался очень приличный хотя и

почти пустой, ибо обѣденное время кончалось, а для ужина еще было рано. Ловя на себѣ любопытные взгляды, Корнетъ съ помощью метрдотеля выбралъ себѣ уютный столикъ и выпивши у прилавка 2-3 рюмки водки, потребовалъ обѣды. Изъ разговора съ тѣмъ же метрдотелемъ выяснилось, что полкъ еще на маневрахъ и его проходъ черезъ городъ ожидался лишь черезъ два дня. Эта новость сильно подбодрила Корнета и онъ съ аппетитомъ принялся за обѣду. "Слава Богу, успѣю хоть немного осмотрѣться" подумалъ онъ про себя. Во время обѣда ему бросалась въ глаза исключительная предупредительность прислуги, до буфетчика включительно, давшая ему понять, что офицеры полка были здѣсь частые и желанные гости. Подавая послѣ обѣда корнету кофе, лакей услужливо спросилъ: "Что прикажете — коньякъ или ликеръ?" и тутъ же конфиденциально добавилъ: "Ваши г. г. офицеры всегда изволятъ пить Бенедиктинъ" и незамѣтно уже подпадая подъ вліяніе полка, Корнетъ съ апломбомъ потребовалъ Бенедиктинъ.

Покончивъ съ обѣдомъ, Корнетъ вышелъ побродить и кстати познакомиться съ городомъ, гдѣ ему вѣроятно придется бывать частенько. Сравнительно небольшой для губернскаго города, городъ Кѣльце производилъ, по крайней мѣрѣ въ центрѣ, пріятное впечатленіе, какъ своею опрятностью, такъ и обиліемъ зелени. Было много вполне приличныхъ магазиновъ и поражало обиліе кондитерскихъ, или "цукеренъ", какъ ихъ тамъ называли. Это явленіе было обычнымъ на западѣ, какъ потомъ убѣдился Корнетъ, ибо здѣсь каждый привыкъ свое утреннее кофе пить внѣ дома. На площади возвышался православный соборъ, а въ городѣ было очень много католическихъ костеловъ и двѣ еврейскихъ синагоги.

Гарнизонъ былъ сравнительно большой: 2 стрѣлковыхъ полка 5-й и 6-й, 2 конныхъ батареи 21-я и 23-я и Штабъ 14-й Кавалерійской дивизіи. Стрѣлки и Штабъ Дивизіи были расположены въ самомъ городѣ, а батареи въ 1½ верстахъ отъ него.

Ни офицеровъ, ни солдатъ въ городѣ не было видно, что объяснялось нахожденіемъ ихъ на сборахъ, каковыя въ Варшавскомъ Округѣ сплошь да рядомъ затягивались до первыхъ чиселъ октября. Вся торговля за рѣдкимъ исключеніемъ сосредоточивалась въ рукахъ евреевъ, которыхъ здѣсь было очень много. Они рѣзко отличались отъ остальной уличной толпы, какъ своимъ внѣшнимъ видомъ, такъ и скромностью манеръ граничащей съ робостью. Маленькая безъ полей черная фуражка съ козырькомъ и длинный, чернаго же сукна кафтанъ значительно ниже колѣнъ, опущенные книзу усы, холенныя боль-

шія бороды и длинные пейсы сразу выдавали ихъ происхожденіе.

Возвращаясь въ гостиницу, Корнетъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что входъ въ ресторанъ былъ очень оригинально декорированъ: по обѣ стороны входныхъ дверей на боковыхъ колоннахъ висѣли связки битой дичи — серны, фазаны и утки — было и красиво и аппетитно, особенно въ перспективѣ приближающагося ужина. Въ коридорѣ около номера его уже ожидало нѣсколько возницъ, предлагавшихъ свои экипажи для доставки его въ Пинчевъ. Все это были городскіе извозчики обычно совершающіе эти рейсы, такъ что Корнету оставалось только выбрать лучший выѣздъ, что онъ и сдѣлалъ, выглянувъ просто изъ окна на улицу. Цѣна была не большая: всего лишь 3 рубля и разъ навсегда утвержденная, такъ что и торговаться не приходилось.

Приказавъ подавать къ 8-ми часамъ утра и взявъ у извозчика №, корнетъ спустился въ ресторанъ съ цѣлью пораньше поужинать и лечь спать, чтобы къ раннему выѣзду быть свѣжимъ и бодрымъ.

На сей разъ въ ресторанѣ было значительно больше публики. Преобладалъ чиновничій элементъ и хорошо сшитые спортивные костюмы помѣщиковъ. Дамъ было мало. Говоръ слышался частью русскій, частью польскій. Пилось много и за прилавкомъ буфета и за столиками. Всевозможныхъ сортовъ водки виднѣлись на всѣхъ столахъ, чередуясь съ коньякомъ и ликерами; пиво было въ большомъ ходу, вина же почти не было видно. Старый польскій медъ и пресловутое венгерское, о которомъ такъ много говорилось въ центральной Россіи, совсѣмъ не фигурировали. Съ любопытствомъ наблюдая новую для себя публику, Корнетъ наскоро поужиналъ и, сопровождаемый поклонами услужливой прислуги, отправился на боковую. Въ головѣ слегка шумѣло отъ непривычной смѣси напитковъ, усталое въ пути тѣло требовало отдыха, а свѣжая постель такъ тянула къ себѣ. "Завтра дома" мелькнуло въ полусонномъ сознаніи корнета.

Осень въ Польшѣ исключительно хорошая и раннее утро, въ которое Корнетъ покинулъ Кѣльце, не оставляло желать лучшаго. Покойная и помѣстительная коляска на резиновыхъ шинахъ мягко покачивалась на хорошихъ рессорахъ, а пара лошадей въ шорной упряжи свободно шла хорошей рысью, дѣлая въ часъ 10-12 верстъ.

Выѣхавъ изъ лабиринта узкихъ улицъ предмѣстья на прекрасно содержимую широкую шоссеиную дорогу, кучеръ со-

всѣмъ пересталъ обращать вниманіе на лошадей, лишь изрѣдка подбадривая ихъ на маленькихъ подъемахъ.

По бокамъ шоссе кромѣ телеграфа и верстовыхъ столбовъ часто попадались фигуры изъ камня или гипса, въ большинстве изображавшихъ Иисуса Христа и Матеръ Божію.

Фигуры эти по своему исполненію оставляли желать много лучшаго, позы же, придаваемые имъ, иногда бывали прямо невозможны. Въ одномъ мѣстѣ фантазія скульптора дошла до того, что желая повидимому предохранить свою работу отъ вліянія непогоды, онъ въ одну изъ рукъ Иисуса Христа продолжалъ ручку раскрытаго надъ Его головой жестяного зонтика. Впечатленіе получилось, конечно, ужасное, но это не шокировало никого изъ проезжающихъ. Равняясь съ такими фигурами, мужчины католики снимали шляпы, а женщины истово крестились.

На 12-й верстѣ кучеръ подбодрился и лихо подкатилъ къ большому придорожному зданію, на дверяхъ котораго висѣла вывѣска съ надписью: "Корчма". "Моравецъ. Прошу пана поручика" заявилъ кучеръ, слѣзая съ козелъ, "килишекъ вудки", добавилъ онъ улыбаясь и исчезъ за дверями корчмы.

Производство въ поручики расположило Корнета, ибо онъ въ то время еще не зналъ, что у поляковъ въ обычаѣ повышать на одну степень всякое званіе, ввиду чего у нихъ Корнеты всегда Поручики, Шт. Ротмистры — Ротмистры, учитель — профессоръ, а гимназистъ — студентъ. Последнее особенно комично, когда идетъ рѣчь о первоклассникѣ.

У подъѣзда стояло нѣсколько экипажей и простыхъ крестьянскихъ подводъ. Часъ былъ ранній и ѣсть не хотѣлось, но желая посмотреть на проезжихъ, Корнетъ вошелъ въ корчму. Въ большой свѣтлой комнатѣ уставленной небольшими крашенными столами безъ скатертей собралось порядочно народа. Большинство были крестьяне въ бѣлыхъ чистыхъ рубахахъ и такихъ же домотканыхъ штанахъ и соломенныхъ шляпахъ. Было такъ же нѣсколько мелкихъ помѣщиковъ не то управляющихъ, державшихся отдѣльно, два чиновника и ксендзъ.

Выпивъ для приличія бутылку пива, корнетъ вышелъ изъ сильно накуренной комнаты и въ ожиданіи кучера сталъ прохаживаться около коляски.

Къ корчмѣ все время подходили и подъѣзжали. Вышедшій вскорѣ кучеръ взгромоздился на козла и коляска тронулась.

Непосредственно за корчмой начиналась деревня Моравицъ, вытянувшаяся вдоль шоссе, въ самомъ началѣ которой былъ миленькій мостикъ съ опущеннымъ полосатымъ слагбаумомъ.

Оказывается, что здѣсь взималась подорожная пошлина со всѣхъ проѣзжихъ въ размѣрѣ 1 копѣйки съ лошади. Получивъ съ возницы корнета свою мзду, еврей, вѣдающій шлагбаумомъ, освободилъ цѣпь, и, проѣхавъ подъ поднятымъ бревномъ, коляска покатила дальше. Кстати, объ этомъ шлагбаумѣ Корнету впослѣдствіи рассказывали интересный случай. Однажды полкъ возвращаясь со сборовъ, втянулся въ деревню и спѣшился, освободивъ дорогу для проѣзжающихъ. Завѣдывающій шлагбаумомъ еврей стоялъ въ сторонкѣ и съ любопытствомъ наблюдалъ незнакомую картину, какъ въ это время знакомъ подозвалъ его къ себѣ какой-то солдатъ, стоявшій у спущеннаго шлагбаума со свернутой подъ мышкой шинелью. "Слушай жидъ", зашепталъ онъ подошедшему еврею, "хочешь сдѣлать хорошій гешефтъ? У меня есть хорошая цѣпь, ее тутъ аршина три будетъ", продолжалъ онъ раздвигая складки шинели и осторожно вытягивая изъ нее нѣсколько звеньевъ хорошей цѣпи. "Я ее тебѣ за гривенникъ отдамъ, только скорей, пока вахмистръ не видитъ", — закончилъ онъ, пугливо озираясь. Пошупавъ для виду звенья и оставшись доволенъ, еврей потроговался и заплатилъ солдату 8 коп. Передавъ ему в руки звенья и распустивъ свернутую въ узелъ шинель, солдатъ набросилъ ее на плечи и спокойно замѣшался въ толпу однополчанъ. Выходившій въ это время изъ корчмы офицеръ, былъ свидѣтелемъ интересной сцены, когда пришедшій въ отчаяніе еврей, убѣдившись, что купилъ свою собственную цѣпь, прикованную къ шлагбауму, призывалъ во весь голосъ проклятiя на голову шустрого продавца.

Проѣхавъ деревню, коляска покатила дальше.

Дорога продолжала быть хорошей и верстовые столбы быстро мелькали подъ внимательнымъ взглядомъ корнета. Отъ Кѣлецъ до Пинчова, гдѣ былъ расположенъ полкъ, считалось 37 верстъ, и по мѣрѣ приближенія къ цѣли, волненіе Корнета возрастало.

Коляска поднялась на маленькую возвышенность, съ которой открывался далекій видъ на дорогу, но, судя по столбамъ, хотя и оставалось всего десять верстъ, впереди ничего кромѣ далекихъ горъ не было видно.

Изъ не совсѣмъ понятнаго объясненія извозчика можно было предположить, что городъ былъ по ту сторону этихъ самыхъ далекихъ горъ.

Проѣхали еще восемь верстъ и начался подъемъ. Дорога шла глубокой ложиной, извиваясь между крутыхъ горныхъ скатовъ, покрытыхъ рѣдкими кустами. Ожидая изъ-за cadaго поворота увидѣть наконецъ городъ, корнетъ съ огромнымъ на-